

Волны и индикаторы истории, по Э. Тоффлеру

Александров Н.Н.

Америка не породила крупных авторов в области циклической философии истории в классическом понимании. Но большинству читающих так или иначе знаком американский социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества Элвин (он же Алвин, Олвин, Ольвин) Тоффлер. Книги «Футурошок», «Третья волна» и «Метаморфозы власти» вышедшие в США в 60-80-х годах, возвратились к тематике 50-летней давности и заново подняли глобальную *проблему ускорения развития современного общества*, осветив ее с разных сторон.

Уже первая книга Э. Тоффлера была посвящена развитию технологий и их влиянию на общество. Эту тему он устойчиво держит на протяжении всей своей творческой биографии.

Индикатор ускорения

В работе «Футурошоки» (Шок от будущего), ключевой для него, Тоффлер раскрыл структуру современного ему тогда американского общества (отождествляя его *по признаку темпа* с постиндустриальным обществом вообще) и многообразные столкновения (внутри и вовне человека), вызванные новым темпом жизни этого общества. Суть его идеи достаточно проста, и на всем протяжении хорошо написанного текста (он еще и журналист) она последовательно аргументируется в разнообразных вариантах. Именно *варианты аргументации* и обнаруживают структуру общества в его понимании. Мы бы назвали идею этой книги неявно обозначенной идеей резкого *увеличения темпа на конвергентной конической спирали истории*.

О темпе как измерителе жизни души культуры писал О. Шпенглер, но у него фигурировали и другие не менее значимые индикаторы. Тоффлер данное

понятие в своей системе делает если не единственным, то ключевым, все остальные иерархически подчинены ему, что выражено в цитате: «...у каждой культуры есть характерный для нее темп». Э. Тоффлера в этой книге можно назвать диагностом ускорения.

Мы придали этой идее графическую форму и распространили ее на всю историю человечества. Вот так, с нашей точки зрения, зримо выглядит рост ускорения процессов в истории:

Рис. 1.

Интерес американского исследователя сосредоточен в области *общественного самочувствия* постиндустриальной цивилизации в XX веке. Видимо, здесь ускорение достигло некой критической величины, а потому стало фиксироваться как нечто очень существенное для человека данного общества.

При столкновении с новой реальностью, причиной которой является именно «внезапное» изменение темпа истории, человеческое общество испытывает *футурошок* – шок от будущего, которое наступает все быстрее и быстрее, чем раньше. Подобного рода *культурный шок* может испытывать человек, заброшенный волею судеб в совершенно незнакомую для него

культурную среду – это достаточно традиционный и осмысленный ранее шок, но этот «шок будущего» – явно новый в истории. Здесь речь идет об обществе и пределах адаптационных возможностей человека по отношению к нарастающей скорости изменений в обществе. Чтобы адаптироваться к нему, культура человечества должна видоизмениться, все ее механизмы и методы работы машины общества должны с возрастающей скоростью приспособливаться к нарастающим изменениям.

Уже на первых страницах Тоффлер привлекает массу компетентных мнений, доказывающих, что современное общество проходит через игольное ушко исторической революции, равной по значимости и масштабам только революции неолита, «переходу от варварства к цивилизации». Суть этой *революции темпа* хорошо отражена в высказывании К. Болдинга: «...после моего рождения произошло столько же, сколько и до него.» Вот еще несколько характерных фраз: «половина всей энергии, истраченной человечеством, приходится на последние 100 лет»; «увеличение городского населения вдвое через 11 лет»; «90% ученых, существовавших в истории, живут в настоящее время». Этот подход, неоднократно выраженный к тому же численно (например, 800 сроков в истории, из которых 650 человек прожил в пещере и т.д.), сразу приводит к мысли об экспоненциальном графике. И, хотя Тоффлер его нигде не изобразил, это и есть основная его модель. Он отчетливо осознает, что «время между ступенями цикла сократилось».

Многочисленные аргументы Э. Тоффлера весьма напоминают юмористический фантастический рассказ Б. Зубкова и Е. Муслина «Этот непрочный, непрочный, непрочный, непрочный мир», с той лишь разницей, что футуролог пишет о наблюдаемых тенденциях реальности. Аналогичные идеи об ускорении примерно в то же время были выражены у К. Кантора, который в середине 60-х писал о феномене роста *скорости сменяемости* вещей в цивилизации (Красота и

польза: Социологические проблемы материально-художественной культуры. – М.: Искусство, 1967).

«Внешнее ускорение, – пишет Тоффлер, – превратилось во внутреннее». Не очень ясно, что за субъект является носителем *внешнего ускорения*. Вероятно, это – человечество в целом, и чтобы раскрыть исследуемый объект, Тоффлер рассматривает вещи, места, люди, организации, идеи. Далее он следует этому своему пониманию состава, отображая его в структуре книги. *Внутреннее ускорение* распространяется на отдельного человека. Этот человек нового исторического типа приобретает ряд характерных темпоральных и социально-психологических черт. При увеличении социального темпа такой человек соприкасается с проявлениями «одноразовой культуры» (вещи); с увеличением мобильности в пространстве (места); с арендной революцией (сроки); с законом «чем быстрее меняется общество, тем более кратковременные потребители»; с быстро меняющимся набором людей в организациях и быстро изменяющимися структурами самих организаций. Это требует особых способов адаптации, в частности постоянного дообразования (выше уровень образования – выше мобильность), и непрерывного образования. Общий вывод, к которому приходит Тоффлер относительно человека: «временность служит отличительной чертой отношений на пути к постиндустриальному обществу». Рассмотренные Тоффлером «краткосрочные отношения» порождают феномен «модульного человека». И он делает многоаспектный срез данного явления.

Здесь мы сталкиваемся с крайне интересным структурным совпадением. Если вся темпоральная история человечества подчиняется закону распределения (график 1) и мы сейчас находимся в стадии ускорения, то и темпоральная структура современного человека, рассмотренная через длительность контактов (график 2), является прямым слепком темпоральной характеристики жизни общества. Тоффлер этого не заметил: он озабочен своим срезом в одной точке

истории – мы же делаем следующий вывод: *внутреннее время человека изоморфно внешнему времени истории человечества в любой его точке.*

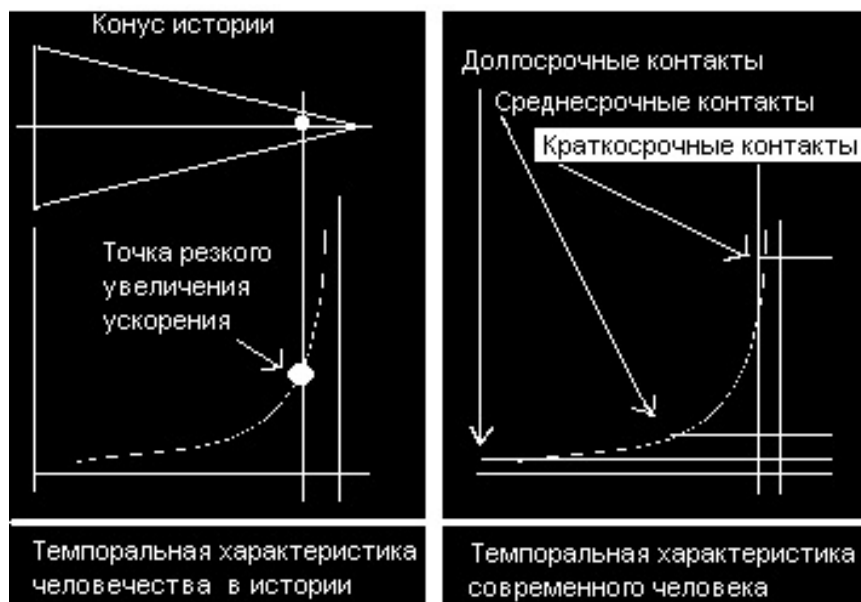

Рис. 2.

Многочисленные исследования, на которые ссылается Тоффлер в своем тексте, свидетельствуют о нарастании тенденции всеобщего отчуждения, ведь «новые дети» явно хотят «уменьшить поток людей в своей судьбе», и сдвиг их мотивации в сторону краткосрочных контактов становится необратимым. Таким образом, ускорение темпа истории матрицируется на материале истории, внешнее ускорение порождает адаптацию в виде такого же внутреннего, психического ускорения. Причем, по отношению не только к людям, но и *ко всему*. Видимо, речь идет и об адаптационных изменениях в пространстве между обществом и человеком, потому, что тот же феномен увеличения темпа присущ и организациям, и культуре.

Например, как адаптируются *организации*: проектный менеджмент в структуре организаций становится важнее веберовской бюрократии, он превращается в спецнокрапию.

Если говорить о культуре, то аналогичный феномен наблюдается в СМИ, где «потоки образов» идут с явным нарастанием. Эта тенденция через четверть века после книги Тоффлера все еще сохраняется: сегодня стали нормой телевизоры с полиэкраном, на котором можно видеть одновременно все телепрограммы; сегодня преобладает клиповая культура, где за секунды проносятся столько же образов, сколько раньше содержалось в десятке фильмов и т.д. Мы бы дополнили это и тенденциями в образовании, где с большинством литературных произведений новые школьники знакомятся в очень кратком пересказе, а количество информации в доступных компьютерных сетях явно превышает возможности их родителей, но не беспокоит детей. «Ко времени, когда родившийся сегодня ребенок окончит колледж, количество знаний увеличится в четыре раза», а к его 50 годам – в 32 раза; обновление произойдет на 97 %. Сейчас эти цифры, несомненно, выросли.

Чтобы не повторять все тот же графический инвариант, можно привести понятный образный аналог: когда киноплёнки много, она медленно сматывается с катушки, когда ее остается мало, она летит стремительно.

Мы бы особо обратили внимание на феномен, наблюдаемый при увеличении плотности и скорости потока информации. Между человеком и миром природы возникает вторая природа – культура и техника, без которых он больше не может обходиться. ***Вся информация становится вторичной; а вторичные образы становятся для людей важнее первичных.*** Все ценности цивилизованного человека теперь опосредованы этими культурными очками, и наблюдать это со стороны страшновато. Человек (или любой иной человекоподобный герой, что еще лучше) не просто превращается в киборга (смесь человека и робота), но приобретает все *черты робота*. Это хорошо прослеживается на потоке американской образной продукции, где у героев полностью потеряна связь с кем-либо и чем-либо, разрушены механизмы культурной и человеческой преемственности и наследования, их жизнь

подчинена сиюминутной программе, эту программу в следующей серии перезапишут – и человек ничего не будет помнить. Об этом, кстати, один из фантастических рассказов о любви в будущем, кажется Р. Шекли: девушке записывают любовь к вам на один сеанс, а на завтра у нее другой клиент и она ничего не помнит о вчерашнем. Современное различие «любовь это одно, а секс – другое» – продукт ускорения и сокращения времени на контакты всех типов. Но тогда эволюция классического человека при дальнейшем нарастании ускорения в истории приведет к его замене на робота. Тоффлер не сделал такого прямого вывода, но экстраполяция его материала, безусловно, к этому ведет.

Есть только один обнадеживающий момент. Рассматривая распределение темпоральной плотности в пространстве, Тоффлер снова-таки (в своей логике) говорит, что очень малая часть человечества живет в резонансе с таким историческим ускорением (примерно 5 %) так же, как очень малая часть продолжает жить в каменном веке (те же 5 %). Посредине слоями располагаются общества, живущие каждое в своем темпе и зафиксированные в нем. То есть, делаем вывод: **пространственное распределение темпоральности на Земле повторяет график распределения темпоральности по конусной истории.** Это, кстати, и есть основа хноно-политики, заменившей геополитику.

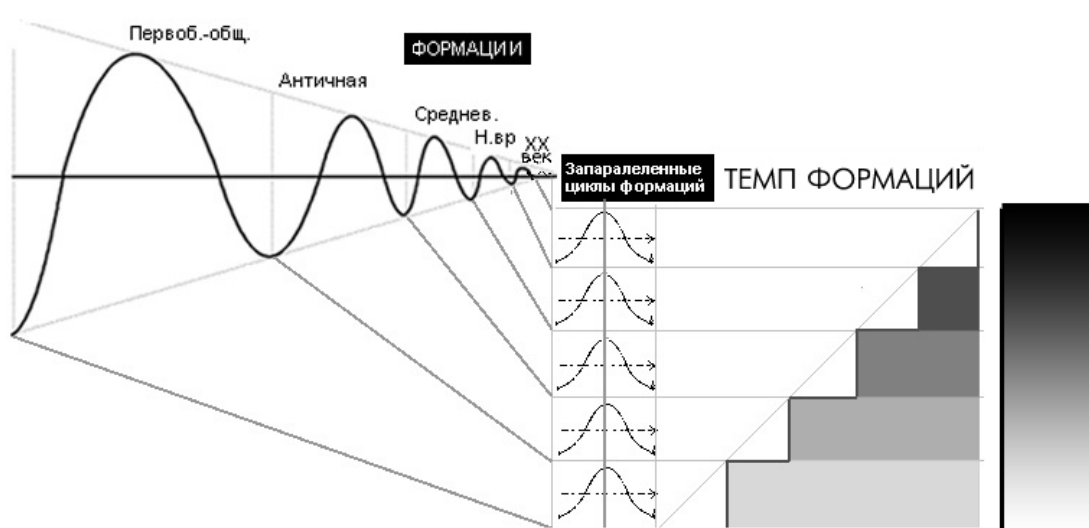

Рис. 3. Формации истории и их собственный темп.

Мы попробовали здесь изобразить рассуждения Тоффлера в виде визуальной метафоры и это привело нас к мысли, что вообще конический процесс имеет прямую связь с нормальным распределением свойств – и в пространстве, и во времени. В работе «Экзистенциальная системогенетика» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011) мы зафиксировали *исторический закон перехода от пространственного доминирования к доминированию времени*. И рассматриваемое здесь понятие темпа – исторически актуализировавшееся в середине XX века – точно этому переходу соответствует. От войн за завоевание пространства человечество перешло к войне за скорость изменений самого себя.

Отметим, что ближе к нашему времени буквально те же идеи, что и у Тоффлера, анализируют для экономики авторы популярной книги «Бизнес в стиле фанк» К. Нордстрем, Й. Риддерстрале. У них получилось своеобразное продолжение его главной книги в более узкой сфере экономики и менеджмента. Оно тем более интересно, что анализирует все то же западное общество полвека спустя.

Технократический ракурс цикличности истории

Поскольку «Футурошок» лишь открывал тему, она нашла продолжение в книге «Третья волна». Это книга технократа, написанная для технократов, и дающая технократическую трактовку истории. Идея о том, что эволюция техники воздействует на процесс эволюции общества, в современной философии и социологии отражена в работах Д. Белла, Дж. Гранта, ну и Э. Тоффлера. Последний утверждает, что сегодня человечество переживает новую технологическую революцию.

Э. Тоффлер поделил историю на три глобальных цикла, вернувшись в этом смысле к троичным дошпенглеровским схемам истории. Он выделил три крупнейших переворота в истории человечества, связанных с большими

кризисами. Чтобы далеко не ходить, приведем сразу поясняющую схему – как мы понимаем смысл сказанного Тоффлером в этой работе.

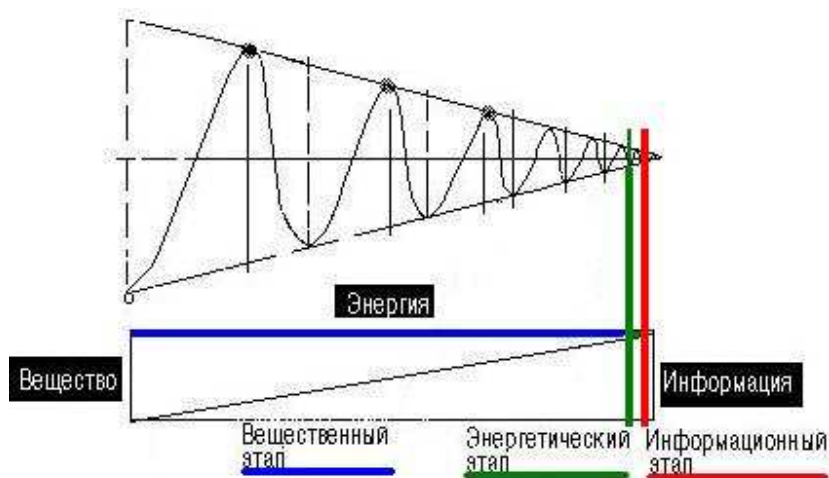

Рис. 4. Основные этапы эволюции общества а техно-ракурсе.

«Третья волна» оказала в свое время и продолжает оказывать определенное влияние не столько на науку – новых идей в ней немного, – сколько на политику и идеологию. Цель работы – скрытая или явная, на вкус, – если внимательно присмотреться к ее структуре, была в том числе и идеолого-политическая, противопоставлявшая современный Западный мир и СССР. Глобальным претензиям США на господство необходимо было нейтральное *историческое обоснование*, и оно не замедлило появиться в виде рассматриваемой работы Э.Тоффлера. Что, кстати, вовсе не умаляет ее научных достоинств. Чуть ли не впервые после Карла Маркса в основу деления истории на циклы был положен то ли "способ производства", то ли "технологический уклад" – мнения по этому поводу разные, но явно трактовка здесь технократическая.

Исходные положения данной работы предельно просты. В истории наблюдаются три типа «цивилизаций», рассмотренных в аспекте техники – крупных исторических периодов, отличающихся способом, который положен в основу жизни производственно-экономического «базиса». Конечно, «цивилиза-

ции» Тоффлера – это иная материя, чем «формации и уклады» марксистов, но черт сходства можно найти достаточно много.

Человечество переживает новую технологическую революцию, где на смену первой волне (аграрное общество) и второй (индустриальное общество) приходит новая, ведущая к созданию (сверхиндустриальной) информационного, или постиндустриального общества. "Система трех волн" есть предельное упрощение, до которого можно свести историю, но именно эта психологическая упрощенность и обеспечила книге столь массовую популярность. Особенно среди политиков, которым «думать некогда, трясти надо».

Первая волна, по мнению Тоффлера, началась с неолитической революции: отсюда пошла аграрная цивилизация, длившаяся едва ли не 99 процентов цивилизационной истории. Этот вывод о точке начала цивилизационного развития хорошо прослеживался еще у А. Тойнби. Первая волна – это результат *аграрной революции*, которая сменила культуру охотников и собирателей.

Вторая волна, волна индустриальной цивилизации начинается с промышленной (индустриальной) революции. Ею открывается Новое время. Она характеризуется нуклеарным типом семьи, конвейерной системой образования и новым корпоративизмом.

Для нас очевидно, что в рассматриваемой схеме смешаны фазы очень разных процессов, но объединяет их, почти по Шпенглеру («город-деревня»), преимущественно *промышленный способ жизнеобеспечения* новой цивилизации, в отличие от бывшего до того (доминировавшего) сельскохозяйственного.

Третья волна формируется в последней четверти XX века. Это постиндустриальная «цивилизация», характерные черты которой сегодня уже прорисовываются. Здесь перед нами результат *интеллектуальной революции*.

В постиндустриальном обществе наблюдается невиданное ранее разнообразие субкультур и стилей жизни. Информация становится основным двигателем, топливом, ценностью новой цивилизации: это возможность

приобретать дешёвую, нацеленную на конкретного покупателя продукцию, распределяемую по малым нишам. Исчезают границы между продавцом и покупателем – «prosumer» способен сам удовлетворить все свои потребности.

В своей книге «Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь» (2006) Тоффлер пишет: «Подобно другим ключевым элементам капитализма, деньги переживают самую стремительную и глубокую революцию за многие века, революцию, которая создаст совершенно новые формы, новые способы выплат и платежей, и деловые возможности обходиться вообще без денег».

Э. Тоффлер намечает основные черты постиндустриального общества. Его книга – попытка ответа на актуальные для Запада вопросы середины 80-х: почему ровное течение жизни середины века (40–70-е) сменилось кризисом; долго ли продлится этот кризис, каковы его характер и последствия; каковы контуры будущего. Ответ, полученный из недр западной цивилизации, конечно же, прозападный: "постиндустриальная цивилизация" есть довольно оптимистический экстраполяционный прогноз, основанный на уже наблюдаемых тенденциях. В ряде отмеченных тенденций прогноз сбылся, но некоторые таки оказались «надуманными».

Свой жанр Тоффлер именует «практопией», отличая его от утопий, антиутопий и дистопий. В практопии нет безмерной идеализации. Тем не менее, это тоже в определенном смысле утопия, поскольку она задает образ будущего, проектирует его. Хотя автор хочет, чтобы это было описание *более практичного и более благоприятного для человека мира*, чем тот, в котором мы живем. Но в этом мире поровну Добра и Зла – в стремлениях самого автора.

Предупреждений о неприятных сторонах наступающей эпохи хватает и у него. Впрочем, все это не помешало Тоффлеру попасть в современные классики и стать любимым экспертом многих людей у власти. Ну и один из самых известных американцев в мире, благодаря китайцам.

* * *

В нашей системогенетической литературе из книги Тоффлера были сделаны два разных вывода. Вывод А.И. Субетто основан на его собственной вещественно – энерго – информационной концепции, он отличен от выводов Э. Тоффлера, хотя *общая инвариантная схема*, о которой мы говорили и привели на схеме, сохранена. Возможно даже, они говорят о разных вещах при внешнем сходстве терминов.

Выводы Ю.В. Яковца идут в русле выкладок Э. Тоффлера, хотя в ряде прогностических линий они вполне самостоятельны.

Наша точка зрения состоит в том, что подобного рода тройное членение цивилизационной истории представляет собой *структурный инвариант, связанный с законом распределения*, примененный ко всей истории в целом. Мы стремимся показать, что *этот инвариант матрицирован и в ментальном хронотопе (временное и пространственное темпоральное распределение), и в экономике, и в культуре, и в структуре организаций, и в самом человеке*. К этому инварианту и к подобному выводу сам Э. Тоффлер не подошел, хотя в его последней крупной работе «Метаморфозы власти» такие наметки уже есть.

Его книги помогают нам сделать это предельно широкое обобщение. Если у истории есть глобальные закономерности, то это – первая. Отообразим ее на итоговой схеме.

Точкой перелома свойств «цивилизаций по Тоффлеру» мы считаем переход к доминированию энергетической техники. И в этом отношении мы скорее солидарны с А.И. Субетто, чем с Э. Тоффлером. Дело ведь не в сельскохозяйственном характере производства, а в том, что оно вещественное, и оно остается таковым и при индустриальном способе производства. А вот появление энергетической техники и начало ее доминирования (скачкообразный рост энергопотребления и главная прибыль от нее) ситуацию

полностью меняет. И, наконец, переход к доминированию информационной техники (как главному источнику прибыли) меняет ее еще раз.

Впрочем, можно посмотреть на все это не только с позиции пары «вещество – информация», но и более широкой позиций пары «Дух – Материя». В цикле статей о менеджменте на нашем блоге мы рассматривали и этот вариант.

Если задаться вопросом: а что у нас на втором графике «экспоненты» в этой сборке? – мы вряд ли ответим сейчас связно. Но интуитивно понятно, что речь идет о законе распределения, который описывается парой «Вещество – Информация» или тройкой В-Э-И.

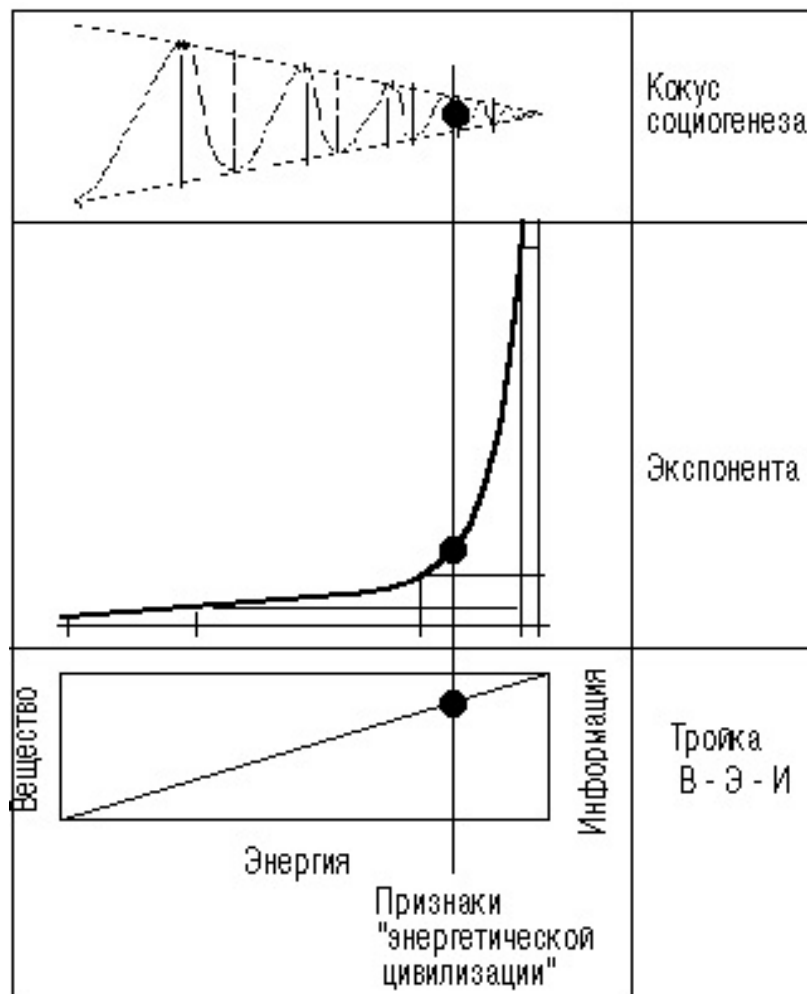

Рис. 5. Точка перелома на графике эволюции техносферы.